

КНИЖНЫЙ ШКАФ

Игорь Дуардович. Полезные книги. *Заметки*

Игорь Агаргович

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ

О книгах: Х. Реттиг «Писать профессионально», Дж. Перри «Искусство прокрастинации», Ю.Н. Харари «Sapiens», Дж. Даймонд «Мир позавчера», Н. Жуков «Модицина» и «Модицина 2», С. Филлипс «...Измы».

На обложке одной из книг написано: «Максимально полезные книги» — как раз то, что нужно. Именно такие книги составляют основу моего чтения для отдыха, куда, кстати, художественная литература почти не входит, потому что это — *отдельное* и, так сказать, менее «полезное» чтение. Этот обзор я посвящаю литературе нон-фикшн — наиболее интересной, «эффективной», модной и концептуальной, — прочитанной в этом году.

Начнем с очень модного словечка — прокрастинация¹. То и дело сегодня плодятся разные статьи, где авторы бестселлеров дают советы, как написать книгу за две недели. Выходят и книги, масса книг. Мое же дело предложить две, на мой взгляд, лучшие, которых будет достаточно, чтобы встать на путь кайдзен².

Первая книга — **Хиллари Реттиг «Писать профессионально»**³.

Реттиг была бизнес-тренером и занималась кредитованием, пока не сосредоточилась на проблемах писателей. Опыт Реттиг позволил ей выявить общие для всех, не только для людей «материальных», но и для людей творчества, причины, препятствующие самореализации и проанализировать их взаимосвязь. Собственно, об этом ее

¹Прокрастинация — склонность к постоянному откладыванию дел, особенно срочных и важных, отсрочка в принятии решений, уклонение от обязательств по причине разного рода страхов, вызванных перфекционизмом и прочим.

²Кайдзен — японская философия, проповедующая постоянное самосовершенствование с помощью небольших шагов, непрерывное улучшение деятельности с целью увеличения ценности и уменьшения потерь.

³Хиллари Реттиг. Писать профессионально. Как побороть прокрастинацию, перфекционизм и творческие кризисы. Перевод с английского Ю. Пиминовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 272 с.

книга — о психологии малопродуктивных писателей: «...сложные случаи писательских блоков принимают формы растрачивания и чрезмерного погружения. Растрачивание — это когда вы жертвуете своей мечтой о творчестве ради других занятий: заработка, создания семьи <...> ради менее серьезных вещей <...> Чрезмерное погружение — по смыслу противоположно растрачиванию и означает, что вы жертвуете всем ради писательства <...> Растрачивание и чрезмерное погружение — ошибки перфекциониста, отражающие манию величия <...> максимализм <...> и другие симптомы перфекционизма».

«Как побороть прокрастинацию, перфекционизм и творческие кризисы» — это подзаголовок книги, и далее в семи главах Реттиг предлагает шаги от распознавания и преодоления перфекционизма до появления «слоновой кожи» против неприятия окружающих и критики. Реттиг глубоко анализирует проблему, и самое первое понимание, которое приходит: прокрастинация и перфекционизм — вещи взаимосвязанные: «Сопровождаемый страхом <...> перфекционизм вызывает прокрастинацию». В общем, автор стремится научить нас смотреть на литературное творчество реалистично, так как «мысль о том, что писательство — это священная миссия <...> порождает завышенные ожидания».

Важным выводом Реттиг становится диагноз самому обществу: «...наши СМИ и культура насквозь пропитаны <...> ложными представлениями о писательстве. Писатели-новички становятся их жертвами». Мифы и стереотипы распространяют в том числе успешные писатели в позерских высказываниях: «“Единственная обязанность писателя — его искусство <...> Если писателю потребуется обокрасть собственную мать, он сделает это без колебаний” [У. Фолкнер]».

Отдельную полезность в книге представляет глава, посвященная публикационной тактике и этическим моментам — «Освобождение от эксплуатации в писательской карьере». Традиционный путь с публикациями в журналах и литературными агентами Реттиг считает невыгодным, выступая за самиздат и самостоятельный маркетинг. Один из разделов так и называется: «Публиковаться самостоятельно — единственный правильный путь».

Книга Реттиг очень подробная, дельная и тонкая, однако в стремлении разложить все для упрощенного понимания, автор получила обратный эффект — усложнения: во всех этих упражнениях и советах даже непродуктивный может потеряться и забыть о главном.

Куда ближе по духу и восприятию для меня оказалась маленькая книжка эссе **Джона Перри «Искусство прокрастинации»**¹.

Перри дает аналогичные советы и так же выявляет взаимосвязь прокрастинации и перфекционизма, однако его подход к «болезни» совершенно иной. Он также выражен в длинном названии: если Реттиг стремится «побороть», то Перри — «правильно тянуть время, лоботрясничать и откладывать на завтра». Эта книга самоиронична с самого начала и насквозь.

Что характерно, Перри — философ, а не бизнесмен, кроме того, он профессор Стэндфордского университета. За свое первое эссе о прокрастинации, с которого начинается книга и которое впервые было опубликовано в 1996 году, он удостоился Шнобелевской премии.

Во-первых, Перри вводит понятие «упорядоченный прокрастинатор» — «человек, который успеваешь сделать многое, не делая чего-то другого». Перри замечает, что прокрастинаторы, на самом деле, не бездельники, и что обычно они выполняют массу полезной работы. В итоге он предлагает некую стратегию: «Упорядоченная прокрастинация — это искусство, заставляющее ваш недостаток работать на вас». Смысл в так называемой приоритетности — в списке, который есть у всех на бумаге или в голове и к которому мы все, как правило, подходим с конца, где мелкие дела, а не с начала — там самые важные и срочные. Если научиться правильно собой манипулировать с учетом того, что вы всегда будете заниматься не тем, чем должны в настоящий момент, то это и будет упорядоченная прокрастинация. Условно говоря, чтобы решить одну большую задачу, над ней нужно поставить задачу побольше, а лучше сразу несколько более крупных. Конечно, необязательно это должны быть дела одного порядка — чтобы написать эссе, можно просто, например, как Перри: «...[не] проверять работы студентов, [не] заполнять заказы на учебники, [не] отрецензировать заявку в Национальный научный фонд и [не] прочесть черновик диссертации».

Если Перри подходит к вопросу философски и главная его цель — «помочь <...> избавиться от душевных мук, а не от прокрастинации как таковой», то Реттиг стремится вести борьбу, пусть и с оговорками, но до победного конца. Про такие книги профессор-философ замечает, что они, как правило, написаны непрокрастинаторами. На-

¹Джон Перри. Искусство прокрастинации: как правильно тянуть время, лоботрясничать и откладывать на завтра. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

пример, в отношении автора этой статьи строгий тайм-менеджмент (с бюджетом времени в 112 часов в неделю), пропагандируемый Реттиг, абсолютно не сработал. Совсем другое дело — ежедневно составлять банальные списки, как рекомендует Перри. И все-таки главный эффект обеих книг терапевтический — чувство, что ты не одинок в своей беде.

«Откажитесь замечать раны, и они сами исчезнут», — Марк Аврелий.

Так называемую мировую сенсацию, книгу известного израильского историка **Харари «Sapiens»**¹ я впервые с удовольствием слушал по радио. Какое-то время она была моей «вожделенной штучкой», однако, прочитанная на бумаге, стала глубоким разочарованием. Честно говоря, мне еще никогда не попадался настолько пустоватый, наивный и вместе с тем претенциозный и разрекламированный научпоп.

На «Медузе» Галина Юзефович рекомендовала эту книгу среди «семи отличных книг в жанре нон-фикшн». В кратком обзоре Юзефович пишет: «“Sapiens” — самый увлекательный нон-фикшн, опубликованный по-русски за прошедший год и, пожалуй, лучшая книга в этом жанре со времен “Ружей, микробов и стали” Джаред Даймонда». Конечно, ежедневная практика критика-ревьюера — это конвейер, отсюда и осознанный риск лукавства, и пафос, как и в крутых рекламных цитатах на обложке из «Forbes», «The New York Times» от Билла Гейтса и даже от самого Даймонда. В сравнении с известными мне книгами последнего — эволюционного биолога, биогеографа и антрополога, много лет проведшего среди индейцев в Папуа–Новой Гвинее и, в частности, с теми же «Ружьями, микробами и сталью», за которых автор удостоился Пулитцеровской премии, — Харари выглядит просто университетским домашним мальчиком.

Юзефович лукавит хотя бы потому, что лучше Даймонда в этом жанре пока может быть только сам Даймонд, что доказывает последняя его вышедшая книга «Мир позавчера»², год назад ставшая до-

¹Юваль Ной Харари. Sapiens. Краткая история человечества. Перевод с английского Л. Сумм. М.: Синдбад, 2017. 570 с.

²Джаред Даймонд. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке. Перевод с английского А. Александровой. М.: Издательство АСТ, 2016. 672 с.

ступной и русскому читателю, которую я решил взять для сравнения и читал одновременно с «Sapiens». Примечательно, что имя Даймонда у Харари не только на обложке — в конце последний благодарит первого, «который учил его смотреть шире». Однако пример «Sapiens» показывает, что бывает, когда за подобный труд, тем более столь амбициозный, как «Краткая история человечества», берется человек, судя по всему, не вполне компетентный, и в итоге сама книга написана пусть и с блестящей ясностью, но *узкого* знатока и энтузиаста.

Иначе я бы описал эту разницу — как между классическим романом и популярной документально-познавательной телепередачей.

Книга Харари напоминает развернутый, блестяще написанный сценарий к передаче, вроде сериалов «Би-би-си», — пафос и подача материала практически одинаковые. Маркетологи постарались, и в этом духе на задней стороне обложки изложено практически все содержание и главные идеи: «Мы правим миром потому, что ни одно другое животное не способно верить в то, что существует только в воображении, — богов, государство, деньги или права человека» или «Человек скоро исчезнет. С помощью новейших технологий <...> он превратит себя в совершенно иное существо». Звучит, будто написано для трейлера или заставки. А передача эта о том, как недавняя обезьяна, а ныне человек, избрав себе путь главного хищника и Каина, вдруг превратилась в бога-самозванца. Четыре части — четыре серии: «Когнитивная революция», «Аграрная революция», «Объединение человечества» и «Научная революция».

Для такого продукта характерны минимум полезной информации, а также громкие спекулятивные утверждения, идеи и смыслы, давно раскрытые в медиапространстве. Отсюда же и распространенные в книге типичные обороты: «Некоторые считают», «Большинство исследователей сходятся» и т. д. При этом не стану говорить о просто притянутых фактах и спорных моментах или грубых тенденциозных умолчаниях — автор на протяжении книги повторяет про «Аполлон-11» и ни слова о Гагарине, и только лишь в конце: «После спутника и Аполлона-11». Умолчание, как известно, — мощное оружие фальсификации.

Мне кажется, Харари вполне осознанно выбрал для себя эту медийную научно-попсовую нишу, где больше ценятся визуальные эффекты и где может быть достаточно одного лишь прилежания и ловкости в постановке интриги.

Если «Sapiens» — сериал «Би-би-си», то книга «Мир позавчера» Даймонда — своего рода классический роман. Она посвящена жизни в традиционных обществах, преимущественно новогвинейцам, и в то же время в ней просматривается четкий сюжет — это история одного из многих путешествий и одновременно история путешествия длиной в целую жизнь.

Сначала мы оказываемся в аэропорту Порт-Морсби, столицы Папуа–Новой Гвинеи. Даймонд присматривается к пассажирам и служащим аэропорта и размышляет об изменениях, «на которые у значительной части остального мира ушли тысячи лет» и которые начались, когда австралийцы в 1931 году обнаружили в горах миллионы земледельцев: «...некоторые <...> рассказывали мне, что всего за десять лет до нашего знакомства они еще изготавливали каменные топоры и участвовали в традиционных сражениях между племенами». Папуа–Новая Гвинея получила независимость от Австралии в 1975 году.

Далее ученый показывает разные стороны жизни и истории индейцев: «Друзья, враги, незнакомцы», «Воспитание детей», «Как обращаться со стариками: заботиться, бросать или убивать?» и т. д. Однако мы не просто заглядываем в наше не такое уж далекое прошлое — «мир позавчера». Только богатый личный опыт ученого позволил Даймонду задаться таким вопросом, из которого вырос концепт книги, выведенный в подзаголовке: «Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке». Это и есть задача «путешествия» — почувствовать разницу и попытаться осмыслить потери и приобретения.

Одному из спорных вопросов — войнам (в традиционных обществах) Даймонд посвящает отдельные главы. На примере последних известных и документально подтвержденных традиционных войн — войны «дани» (двух племенных союзов, принадлежащих к одной народности), — Даймонд рассматривает ряд вещей: «Временной распорядок войны», «Военные потери», «Влияния контактов с европейцами» и т. д.

Отдельные разделы книги касаются национальных и редких языков, проблем их изучения и сохранения, а также преимуществ многоязычия. Автор вспоминает радиопередачу Би-би-си со звонками от людей, рассуждавшими так: «7000 языков — это на 6990 больше, чем

нужно <...> Пусть они исчезнут». Для сравнения две цитаты из Харари: «В таком случае существование без малого 200 национальных государств — скорее помеха, чем подмога»; «Всемирная империя создается у нас на глазах <...> Каждый решает <...> откликнуться на призыв или замкнуться в лояльности своему народу и государству». Не знаю, где в Харари критики разглядели убежденного социалиста, когда он, на самом деле, откровенный и наивный космополит (космополитизм, как известно, одна из сторон либерализма) и односторонний сторонник западной глобализации, типичным образом забуксовавший на постколониальности. Даймонд никогда бы не употребил такое словосочетание по отношению к индейцам, как «узости взглядов», например. И снова о языке и государственности у Даймонда: «Язык может быть стержнем национальной идентичности и уберечь народ от распада не только в случае национальных меньшинств, но и для целых государств».

В общем, «Мир позавчера» в отличие от «Sapiens» больше подходит под определение (и без всяких визуальных эффектов) «Краткой истории человечества». Сюжет закольцовывается, и мы оказываемся в другом аэропорту: «...я выруливаю из аэропорта Лос-Анджелеса на автостраду № 405. Всюду вокруг только асфальт, здания, автомобили».

В книге Реттиг, с которой мы начали, в главе 3 любопытная таблица: «Список ресурсов для постоянной <...> писательской деятельности». Среди важных ресурсов — «Специалисты в области медицины, питания, психологии». Трудно представить, конечно, чтобы у наших писателей были личные психологи, не говоря о диетологах и всяких тренерах. Но здоровье важно, поэтому я бы просто заменил этот пункт на две книги **Никиты Жукова**, по сути, двухтомник: «**Медицина**»¹ и «**Медицина 2**»², — это не компромисс, зато чтение увлекательное.

Никита Жуков — молодой врач-невролог, блогер и просто хипстер — начал с того, что создал в интернете «ультрапопулярный проект “Encyclopatia” (от Encyclopedia Pathologicae — патологическая энциклопедия)» (из аннотации первой книги. — **И. Д.**). На главной странице сайта написано: «Такая особенная википедия по

¹Никита Жуков. Медицина. Encyclopedia Pathologica. М.: Издательство АСТ, 2017. 512 с.

²Никита Жуков. Медицина 2. Апология. М.: Издательство АСТ, 2016. 480 с.

медицинским штукам». Затем появились книги, представляющие собой сборники лучших материалов оттуда.

Обе «Модицины» вышли в «АСТ» в серии «Научпоп Рунета». Название, как нетрудно догадаться, переводится как «модная медицина». На вопрос, какая медицина сейчас модная, в одном интервью Жуков ответил: «Научно-доказательная, та, которой у нас в России нет».

Цель всего проекта — разоблачение «некомпетентных домыслов вне подтвержденных исследований» (пробиотики замещают собственную микрофлору человека), альтернативной медицины (гомеопатия — это секта), веры в чудеса (магифрения), разных домашних и тупых мифов. Жуков на пальцах объясняет, кто такой последователь Остапа Бендера в медицине, что такое сахарный диабет, сибирская язва, чума, и это только то, что касается первой книги, тогда как во второй — продолжение: деменция, вторичные головные боли, курение и т. д.

Вторая «Модицина», однако, не столь разнообразна, но в ней есть пара интересных моментов. Например, наряду с «Расстрельным списком» впервые дается «Список классных лекарств». В этом сборнике автор отдельно затрагивает тему доказательной медицины и ее критики в главах с соответствующими названиями. Снова «с помощью своего мачете» он пробирается сквозь дебри невежества и мракобесия.

Рассмотрим сам инструмент — «мачете» Жукова.

«Модицины» — тот же сайт, только на бумаге. В них полностью воспроизводится «сайтовая» структура — каждая глава строится по одному и тому же композиционно-эстетическому принципу: «Истори», «Что это», «Как это работает», «Доктор, что со мной будет?» Соответственно, все статьи написаны достаточно кратко, емко и самым что ни на есть живым языком, что выражается и в оформлении текста (жирный шрифт, курсив, зачеркивание — эдакий ЖЖшный стиль).

Жуков охарактеризовал проект как «такую особенную википедию», однако стилистически или, точнее, лексически это все-таки ближе к «Луркоморью» (Lurkmore), а язык Жукова — своего рода адаптированный «луркояз», и единственное важное отличие, быть может, в том, что из ненормативной лексики автором не употребляется только мат. В общем, это все тот же неформальный, полшуточный и саркастический стиль с использованием сленга, сетевого жаргона, с байками и анекдотами и т. д. Книги, таким образом, выглядят

как занимательные справочники для «продвинутых», так как «неюзеру» местами будет просто непонятно, например, что такое «фейспалмить», «скилл» или «пофапать».

«Мачете» Жукова — это одновременно и язык борьбы, и язык доверия, дружбы, очень личный язык, исключающий всякую элитарность: «Даже специалистам наскучивает читать текст, изложенный академическим стилем учебника <...> Какой тут <...> вариант? Только один — ненапрягающая теплая беседа со знакомым врачом, который **выжрет весь ваш виски**» не будет топить в снобизме...» (здесь и далее зачеркивание автора. — **И. Д.**).

Отдельная заслуга Жукова — разоблачение фуфломидинов, лекарственных средств сомнительного либо недоказанного действия: «Расстрельный список препаратов». Список в алфавитном порядке. Первое, что меня удивило на букву «А»:

Арбидол <...> бриллиант коллекции, на котором распилен не один олимпиад рублей. Изобретенный еще в 1930-х годах <...> был вспомнен, когда нужно было придумать дешевую альтернативу дорогому Тамифлю. Десять вражески-буржуйских таблеток от гриппа стоят более тысячи, поэтому было решено дать народу золотую пилюлю под брендом фармгения СССР за 100 рублей. А то, что оно не работает, это ничего, если всех убедить, то грипп все равно будет побежден. Или сам пройдет¹.

Очевидно, не за горами и третий сборник. Для поклонников сайта Жуков повесил объявление: «У автора был творческий запой кризисе отпуск! Хватит паниковать, проект не заброшен, ща третью книгу закончу и снова начну сюда писать».

И финальную часть обзора я посвящаю трендам. Какой сейчас один из главных трендов? Конечно, современное искусство, в разговоре о котором почти что невозможно обойтись без жвачки какого-нибудь «изма». Кто-то эти «измы» активно не переваривает, впрочем, как и современное искусство, однако если смотреть шире, то в мире сейчас строятся два вида храмов — шопинг-центры, где мы удовлетворяем плоть, и арт-центры, куда можно сходить и посмотреть на что-то, пока еще не подвластное разуму, но, так или иначе,

¹Сохранен стиль автора.

им завладевшее. Поэтому название книги **Сэма Филлипса**, британского искусствоведа и редактора журнала «Frieze», выросшего из одноименной арт-ярмарки, лежало на поверхности — «...Измы»¹.

Филлипс создал уникальный (формата «покетбук»), подходящий как для студентов-искусствоведов, так и для любителей нескучный справочник, где всего на каких-то 160 страницах рассказывается обо всем современном искусстве — 150 лет, начиная с импрессионизма, который, кстати, до сих пор в ходу. Один «изм» вместе с цветными иллюстрациями умещается на двух страничках. Прелесть книги в том, что она «не требует от читателя досконального знания <...> все специфические термины <...> приведены в конце книги в алфавитном порядке». В общем, идеальная «пища» для страстных неофитов, которые всегда ходят с набитым ртом и роняют на пол свою непрожеванную еду — всяческие такие словечки.

На обложке — писсуар, простите, «Фонтан» Дюшана, «Портрет Блох-Бауэр» Климта... Внутри система цветов или красочное содержание: каждому периоду соответствует свой цвет, которым наверху покрашены страницы: малиновый — середина-конец XIX века, травянисто-зеленый — начало XX-го, середина — охра, конец — темная бирюза и красный — XXI век. Еще серый цвет — служебные части книги, такие как «Введение» и т. д. Все это позволяет легче ориентироваться.

Автор опирается на самую употребительную классификацию, и описание «измов» четко структурировано. Оно делится на пункты, обозначаемые специальными кружками, включая кружки с аббревиатурами, которыми выделяются четыре типа «измов», например, ОКТ — общий культурный тренд (экзистенциализм, постмодернизм) или НПХ — название, придуманное художниками (лучизм, абстрактный экспрессионизм). Каждый «изм» начинается с краткого изложения сути, затем перечисляется не более пяти художников и ключевые понятия, затем идет основной разъясняющий текст и т. д. В конце справочника любопытная «Хронология “измов”» — временная шкала от импрессионизма до настоящего времени («интернационализма»), на которой видно, как группы, стили и школы возникали в качестве реакции одного на другое, параллельно развивались и заканчивались.

¹Сэм Филлипс. ...Измы: как понимать современное искусство. Перевод с английского М. Визеля и Н. Чаминой. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. 160 с.

Сколько мы знаем «измов» в обычной жизни — пять-десять? В книге Филлипса их более полусотни. Некоторые звучат забавно, к примеру, «реализм кухонной мойки» (британское реалистическое направление), но в основном они все просто экзотические: «прецизионизм» (американское направление, репрезентирующее архитектуру и индустрию). Из общеизвестных — наша отечественная разработка и вечная гордость — конструктивизм.

При том, что «измов» столь много, не все, как пишет автор, попали в путеводитель: «...потому что они не сумели поймать и отразить Zeitgeist (“дух времени”)». Кроме того, не попали некоторые значимые художники, «творчество [которых] слегка выходит за рамки конкретного “изма”) — например <...> Фрида Кало, испытывавшая большое влияние сюрреализма, но не представляющая его».

По той или иной причине, но в «XXI веке» у Филлипса нет русского акционизма — «собаки-человека» (Олега Кулика), фаллоса на мосту (Натальи Сокол и Олега Воротникова — арт-группа «Война»). Насчет последних отмечу, что книга впервые вышла в 2012 году, то есть как раз на пике мировой любви к ним. Нет в справочнике и ни одного русского музея современного искусства — в «Списке рекомендованных музеев». Наверное, потому что их просто нет? Из нынешних арт-звезд у Филлипса — Дэмиен Херст, Джефф Кунс и Бэнкси.

С «измами» не соскучишься. Помню, как мы со школьным товарищем, сидя на переменах с «Русским стихом» Гаспарова и «Библиотекой поэта», искали все новые «измы», испытывая на себе этот драйв, и даже придумали один собственный, гордо опубликовав манифест на сайте «Рифма.ру». Этот наш «изм» я уже не помню, но тогда нам нравились футуристы и, кажется, это был какой-то «новый» футуризм. Классное было время.

